

ОТ АВТОРА

Древняя Русь. Сердце и колыбель будущей Великой России. Земля, не знающая ни времени, ни страха, ни рабства. Здесь даже камни и проплывающие облака говорят о мужестве наших предков, об их героизме, святой вере и стойкости.

...Нет ничего красноречивее одинокой реки, которая несет свои ленивые воды в бурых, выжженных солнцем степях Приазовья. Имя ей — Калка. Сквозь тишину восьми веков — эта история о кровопролитном сражении русских воинов с передовыми полчищами Чингисхана. Это суровая история о междоусобной вражде русских князей и трусости половцев, участвовавших в сече на нашей стороне. Это повествование о ключевом моменте в жизни средневековой Руси...

Невеликое число русичей 31 мая 1223 года от Рождества Христова сошло с врагом насмерть на этой реке за свою жизнь, свою свободу, за нас с вами.

И пусть дружины русских князей потерпели в этой неравной битве поражение... Но поражение это значило больше, чем последующие победы Святой Руси. Это был первый блестящий пример всем свободным людям, всему христианскому миру... пример того, что может горсть храбрецов, если они откажутся подчиниться воле тирана.

...Гибель героев, кровь и пожарища той битвы осветили дорогу русским князьям на Куликовом поле, объединив их духовные и ратные силы в единый стальной кулак, под Святой Хоругвью Спасителя Мира — Христа.

На протяжении всего последующего сопротивления монголо-татарскому владычеству эти боевые хоругви служили нашим предкам и путеводной звездой, и духовным воинским знаменем.

Именно от таких древнерусских хоругвей, как «Ярое Око», новгородская «Знамение Божией Матери», смоленская «Божия Матерь Одигитрия», а также стяги воинов-защитников земли Русской Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского и Михаила Архистратига, позже в истории государства Российского берут начало и все боевые знамена легендарных русских полков.

Вид их адский и наводит ужас. У них нет бороды, только у иных несколько волос на губах и подбородке. Глаза узкие, быстрые — в них бьется ярость и зло. Голос хриплый и острый. Они сложены прочно и долговечны.

(Киракос, армянский историк XIII в.)

Этот проклятый народ мчится на конях так быстро, что никто не поверит, если сам не увидит.

(Клавигио, XV в.)

Или мы разобьем головы врагов о камень, или они повесят наши тела на городских стенах.

(Из древнего персидского стихотворения)

...Не успели урусы собраться для битвы, как татары обрушились на них в несметном числе, и сражались, и бились обе стороны с неистовым, неслыханным мужеством.

(Ибн аль-Асир)

ГЛАВА 1

...Из бурых степей Приазовья, выжженных солнцем, с белесых солончаков дул жаркий ветер.

Обуглившаяся твердь стала похожей на черепаший панцирь — такая же твердая, гулкая, как полая кость. Трава взялась желтизной, покоробилась, по-старушечьи пригнулась к земле и шуршала под стать пергаменту, когда ее трепали горячие персты суховея.

Из-за песчаного откоса, на спекшихся глинистых комьях которого млели узорчатые стрелки ящериц, выпрыгнул бродяга-шакал, повел лакированным носом туда-сюда и уныло порысил прочь, будто комок рыжей пыли. И вновь над Дикой Степью¹ взялась мертвящая тишина. Лишь у подножья холма продолжали цвиркать о щебень когти стервятников; трещали и гребли пылицу разлапившиеся крылья да жадно выстукивали, щелкали хищные клювы, справляя мрачную тризну.

Внезапно один из пернатых могильников² насторожился. Его припавшая к добыче лысая голова замерла. Из-за кургана донеслось тихое брэнчанье камней и звенящий хруст песка. Красная ободранная шея птицы напряглась. В отливающем жестокой бездонной чернью зрачке отразилась застывшая

---

¹ Дикая Степь (Дикое Поле) — название степей, прилегающих к южным и юго-восточным границам Русского государства. Понятие «Дикое Поле» возникло еще в XIII веке и исчезло в конце XVIII века, когда Россия вышла на побережье Черного моря и почти не осталось неосвоенных степей. — *Здесь и далее примечания автора.*

² Вид крупных степных орлов; стервятник — большая хищная птица семейства ястребиных, питающаяся падалью.

пена белых облаков, красный гребень песчаника и... темный силуэт одинокого всадника.

Станным и необычным казался взявшийся ниоткуда чужак. В иноземном корзно³ и доспехах, затерянный в этой прорве нелюдимых равнин, где всюду валялись растасканные зверьем человеческие и лошадиные кости, он казался призраком, который остановил бег своего коня, чтобы получше рассмотреть эту картину.

И правда, куда бы он ни бросал взгляд своего единственного пытливого глаза, всюду виднелись вехи смерти: белые черепа со страшными зарубинами мечей и пустодырыми метинами от копий и стрел. Вехи эти видны были и вдоль широкого шляха, что протянулся с юга на север. По краям он был едва обозначен костями, но расстояние соединяло их вдали в непрерывную цепь, утыкающуюся в сабельную полосу горизонта.

...Поджарый вороной жеребец с длинной блестящей гривой нетерпеливо вскинул морду, звякнул золоченой уздой, еще больше насторожив больших птиц.

Могильники теснее сбились над добычей, валявшейся среди пыльной травы. Нахохлились, нервно переступая высокими лапами, — железные полумесяцы когтей заскребли по заскорузлой коже земли.

Всадник подъехал ближе, щелкнул двухвостой плеткой. Тяжело взмахивая нагретыми солнцем крыльями, падальщики перелетели на ближайшие бугры. Но один из них, тот, что первым заметил чужака, стал набирать высоту... И уже с вершины полета острому взору хищника стала отчетливо зрима истинная панорама того, что до срока скрывали песчаные осыпи безымянного кургана...

На безлесой равнине, выжидая команды своего полководца, подобно тугим змеиным кольцам развернулись густые ряды огромного войска. Всадники стояли неподвижно в грозном, немом молчании. Выпукло были видны железные шлемы, блестящие латы, кривые клинки, копья и щиты, на которых ослепительно ярко горели звезды и блики солнечных лучей. Сотня за сотней, тысяча за тысячей, широкой полноводной рекой расплескались железные волны орды. Душная известковая

³ Плац (устар.).

пыль, поднятая несчитанной тьмою ног и копыт, волокуш и колес, стояла над степью...

Стервятник очертил круг и пошел на новый — еще выше, еще более обозримый... Взор выхватил белую юрту, подле нее рогатый бунчук⁴ с пятью конскими хвостами — знак силы и власти монголов⁵... Увидел вереницы обозов и степняков, стекавшихся к лагерю бурливыми ручьями; но из-за дыма несметных костров этих полчищ глазам было не суждено разглядеть боевой стан и пасущиеся на склонах холмов стотысячные табуны...

Сколько их? Тридцать полков? Или больше, пятьдесят? А может, сто?

...Огромные крылья подняли птицу к лазоревым аркадам небес — и вот уже блеснула далече, внизу, серебристой дугой излучина могучего Днепра... И где-то там, если гнать коней прямо на север, в полдень можно услышать в дремлющей тишине медные всплески колокольного благовеста матери городов русских — Киева.

...Черный крест силуэта падальщика превратился в неподвижную точку, не больше тыквенного семечка, а вскоре и вообще исчез...

Но войско монголов никуда не ушло — осталось на месте. Здесь, в дикой степи, на половецких безбрежных кочевьях, затаилась грозная неодолимая татарская сила, хоронясь от дозоров русичей до последнего страшного дня.

...Одноглазый Субэдэй-багатур⁶ — суровый и непобедимый полководец великого Чингисхана — цепким взглядом

⁴ Древо с привязанным конским хвостом, служившее в старину знаком власти (у монголо-татар, казачьих атаманов, украинских и польских гетманов, турецких пашей).

⁵ Монголы — тюркское племя, к которому принадлежал великий завоеватель Чингисхан. Нация монголов подразделяется на северных (халха-монголы), западных (ойраты, мингаты, торгоуты, байты, дербеты и др.) и восточных (баргуты, харачины, туметы и др.). В 1223 году монголами был предпринят первый пробный поход на Запад. Поход, который по сути своей был глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингисханом вторжения Великой Орды в Восточную Европу. В тот год воды Калки сделались альми от крови героев. Так Древней Руси был брошен вызов Востоком. Тогда же русский меч впервые познал мощь и сокрушительный натиск татар, а Великая Орда — стойкость и крепость русского духа.

⁶ Субэдэй-багатур (Субудай) — один из выдающихся монгольских полководцев; участник битвы при Калке. По мнению некоторых военных историков, поход Субэдэя, закончившийся битвой при Калке, был глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингисханом вторжения монголов в Восточную Европу. Это вторжение было предпринято через 12 лет после смерти Чингисхана его внуком Бату-ханом

проводил полет сильной птицы. О, как он завидовал в тайниках души свободе стервятника! Как страстно он хотел бы сейчас обратиться в эту хищную птицу, чтобы так же вольготно летать в любые края, куда кликнет сердце, куда пожелает душа. Но он — нукер великого кагана⁷, «Потрясателя Вселенной», краснобородого Чингисхана. Его верный слуга — уже более сорока зим. Он — Барс с Отгрызенной Лапой — так зовут его в Золотой Юрте владыки, так называют его между собой воины. А потому он, Субэдэй, без колебаний направит морды коней своих непобедимых туменов⁸ туда, куда прикажет долг, туда, где повелитель и совет курултая⁹ больше всего нуждаются в его острых саблях. «Бог на небе, каган — божья сила на земле», — заученно прошептали его губы и беззвучно повторили главный завет Чингисхана: «Всегда унижайте и убивайте ваших врагов и возвеличивайте ваших друзей».

Субэдэй, оставаясь в седле, бросил равнодушный взгляд на распростертое тело у копыт своего коня. Падальщики уже сделали дело — успели выклевать глаза чернобрового юноши и искалечить его лицо, еще сохранившее гордые, мужественные черты.

За спиной полководца послышались крики воинов, погнавших лошадей; громче загремели боевые барабаны и сигнальные рожки сотников, но старый Барс с Отгрызенной Лапой и бровью не повел. Субэдэй знал — орда исполняет его волю. Еще вчера, на закате, он отдал войску приказ: «Утром, после крика петуха, строиться на равнине позади кургана».

Внезапно мысли его прервал голос подбежавшего тургауда¹⁰: припав на одно колено и в почтении склонив голову, телохранитель доложил:

— Прибыл Джэбэ-Стрела. За ним следует весь его отряд — десять тысяч всадников.

(Батьем), в 1237 году, причем главным военным советником и руководителем этого похода был не кто иной, как Субэдэй-багатур, сделавший указанную разведку.

⁷ Титул главы государства у тюркских народов в Средние века, а также лицо, носившее этот титул; наименование хазарского хана в VIII–X вв.; каганат — государство, глава которого носил титул кагана (Хазарский каганат).

⁸ Тумен — тьма: в древнерусском счете — десять тысяч; великое множество чего-либо (монг.).

⁹ Съезд, общее собрание у некоторых монгольских и тюркских народов (тюрк.).

¹⁰ Воин из личной охраны монгольских ханов; телохранитель.

— Где он? — Грозный старик недоверчиво покосился на тургауда, по-рысьи прищурил единственный глаз.

— Нойон¹¹ у твоей Белой Юрты, бесстрашный! Сейчас поднимается на курган... Он жаждет видеть тебя.

Субэдэй пришпорил черного, как ночь, скакуна арабских кровей... Джэбэ, прославленный воин и храбрец, которого хранят боги от копий и мечей врагов, все последние дни не выходил из головы старика. Шесть дней назад по его приказу нойон бросился со своими воинами по кровавым следам разбитых кипчаков¹² воеводы Яруна... И вот — Джэбэ здесь!

Субэдэй натянул повод у своей большой юрты на холме, где около рогатого пятихвостого бунчука были по кругу воткнуты в землю десять высоких копий с пестрыми бунчуками тысячников отряда. Теперь весь тумен был в сборе и гудел осиным роем на равнине.

Из-за юрты, в плотном оцепе личной охраны, показался высокий, широкогрудый багатур¹³ в остроконечном шлеме и чешуйчатой броне. Вид его был ужасен, как у бога войны — Сульдэ. Он весь до бровей был забрызган кровью и словно изъеден бурой кипчакской пылью. В таком виде Джэбэ было не просто узнать, но Субэдэй узнал и, подняв руку в приветствии, спешился.

— Кому пастух люб, любя и его собака. Вещь не прочна, хозяин долговечен. Многих лет и побед тебе, бесстрашный. Я — Джэбэ-Стрела!

— Где Ярун? И где его поганая свора? — обрубил Субэдэй, стальные китайские латы лязгнули на его плечах.

Джэбэ подал знак охране. Его телохранители тотчас отошли прочь и замерли неподалеку, почтительно наблюдая за встречей двух легендарных вождей величайшего Чингисхана.

— Я гнал Яруна до Хазар-реки¹⁴... Два дня назад здесь был бой. Мои сотни вырубili половину его псов. Их презренные останки ты видишь пред собою, храбрейший.

¹¹ Князь (монг.).

¹² Кипчакская степь — огромная территория от Днепра и на восток до Семиречья, населенная многочисленным кочевым народом тюрского корня — кипчаками. В русских летописях кипчаки назывались «половцами», на Западе — «куманами». В Венгрии имеются области «Великая Кумания» и «Малая Кумания», населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар.

¹³ Прославленный, знатный воин.

¹⁴ Одно из древних названий Днепра.

— Где остальные? — Ноздри Субэдэя по-волчьи хищно раздулись.

— Они воссоединились... с их главным ханом Котаном¹⁵. Моих сил не хватило сразиться с его ордой. Но я, хвала Онону и Керулену¹⁶, привез тебе подарок, храбрейший! Айя! Что может быть лучше для монгола-воина, чем голова его врага, брошенная у порога юрты?

Нойон щелкнул пальцами, и тургауд, стоявший ближе других, передал ему кожаный хурджин.

— Это Кулан, сподвижник Яруна. — Джэбэ дико свернул глазами, молча развязал тесемки переметной сумы и вытряхнул под ноги Субэдэю человеческую голову. — Ты узнал его, Субэдэй? Этот шелудивый пес осмелился скалить зубы на непобедимые тумены нашего повелителя!

Джэбэ подпнул носком сапога выбритую голову половца так, чтобы прославленный полководец мог лучше разглядеть лицо.

На старого монгола таращилась сизая маска с черной веной на горле, с глубоким, как межа, сабельным надрубом поперек правой скулы. Смерть выплеснула весь румянец и живой блеск из глаз, оставив лишь застывшую муку в мертвых очах.

— Ай, ай... — Барс с Отгрызенной Лапой удовлетворенно щелкнул языком, давая понять молодому нойону, что остался доволен подарком. — Проденьте ремень от поводка сквозь уши этой собаки. Я повезу голову с собой, у седла, на потеху нашим батырам.

Курган огласился боевыми кличами монголов. Под эти звериные завывания и крики Субэдэй-багатур, прихрамывая на левую ногу, подошел к белой, как снег, кобылице. Ее по обе стороны держали за узду два рослых нукера.

Старик вытащил из серебряного чехла острый персидский нож и ловко надсек подрагивающее плечо животного. Лошадь забилась, взлягнула, шарахнулась было в сторону, но крепко держали руки опытных коневодов. Темная, точно гранатовый сок, кровь зачатила толчками по белоснежной шерсти. А Субэдэй, крепко сгорстив пальцами гриву, жадно припал

¹⁵ Главный, могущественнейший хан половцев; участник похода на р. Калка.

¹⁶ Коренной ордой монголы называли северо-восточную часть Монголии по течению рек Онона и Керулена, где жили ближайшие родичи Чингисхана.

морщинистыми губами к ране, как слепень, высасывая кровь. Наконец старик оторвался от кобылицы. На его плоском, красном от крови лице блеснул узкий, будто осоклой прорезанный глаз.

— Мутуган! Хатун! — Субэдэй кинул взгляд на своих нукеров. — Передайте глашатаям... пусть разнесут весть по орде: юрты, ковры и войлоки бросим здесь... ставьте курени¹⁷! Дальше на север не тронемся. Впереди страна длиннобородых урусов. Будем ждать вестей от людей Гемябека!

Нукеры немедля бросились исполнять приказ полководца, а сам он, приложив ладонь к сочащейся ране кобылы, провел сырой от крови рукой по кирасе¹⁸ Джэбэ.

— Будь гостем в моей юрте, достославный нойон! Тебе следует отдохнуть с дороги. Мои рабыни омоют твоё тело... Накормят бараниной и напоят кумысом... А мы обсудим с тобой... план нашего набега на Русь. Пленные кипчаки упорно твердят: «Уруссы сильное и плодovitое племя!»

— Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— Это верно, брат. Но следует помнить: «По одеялу ноги протягивай». Кто слишком жаден и многого хочет, тот и мало-го лишится.

— Да пребудет с нами удача, храбрейший!

— Да будет солнце на нашей стороне...

---

¹⁷ Курень — монгольское слово *kurien* означает круг юрт с юртой начальника кочевья в центре.

¹⁸ Монгольский обычай — пожелание здоровья и долголетия.

ГЛАВА 2

Савка Сорока, сокольничий великого князя галицкого Мстислава Удатного¹⁹, выехал третьего дня с дядькой Василием в степь набить «всякой» дичи к столу своего господина.

Их сборная охотничья ватага из двадцати киевских и галицких дворовых «добытчиков» пыталась удачу южнее Черной протоки. Места нелюдимые, дикие — верно, но далекие от кочевий лихих половцев. Выше по течению, верст за сто, можно было наткнуться на шатры и повозки «лжеверцев» хазар²⁰, на другие окольные народы, что осели с «мирной клятвой» во степи, возле белокаменных стен могучего Киева, — ну, да туда пылить... подковы сотрешь.

Добытчики были спокойны, как у Христа за пазухой. При них скрипело всего три подводы, остальные десять во главе со старшим зверобоем Перебегом мяли траву восточнее сторожевого кургана Печенегская Голова. Равнины и лесистые склоны холмов там были полны зверьем: и олень, и косуля, и вепрь, и лось... Камыши и плесы стариц²¹ кишели крылатой дичью, но... это были земли хана Котана — хозяина Дикой Степи.

¹⁹ Современники называли князя галицкого Мстислава Мстиславовича Удатным (удачливым), позднейшие летописцы переделали это прозвище в «Удалой».

²⁰ Хазары — союз тюркоязычных, в основном кочевых племен, живших на территории Дагестана, Нижнего Поволжья, Приазовья, Подонья, Крыма. Первые сведения о хазарах относятся к V веку, когда они были известны под именем «акациров», обитавших в степях Северного Кавказа. Верхушка хазар получала большие доходы от транзитной торговли через Хазарию. В середине VII века у хазар возникло самостоятельное государственное образование — Хазарский каганат. После его разгрома в 965 г. хазары как самостоятельное племя быстро исчезли, растворившись среди тюркских племен.

²¹ Полностью или частично отделившийся от реки участок ее прежнего русла; староречье.

...Отколовшаяся от основной партии семерка на совесть прочесывала долину за долиной. Свежих следов и здесь было по горло — не зевай, смотри в оба. И удача им улыбнулась. Вскоре все три подводы наполнились «под захлеб» дичью, и время было поворачивать вспять.

— Савка! Слышь ли, урван?

К молодому сокольничему восемнадцати лет подъехал шагом на стомленном мерине дядька Василий. Поправив побитый сединой ус, крикнул с седла:

— Однакось времечко... восвояси трогать. Вороти подводы, Сорока, заждалися нас на княжем дворе.

— А как же быть с киевлянами, дядя? Мы вроде как в гостях у ихнего князя?.. Аж ли не бум ждать Перебега с ловчими? — загребая растопыренной пятерней упрямые вихры к затылку, подивился Савка.

— Семеро одновошь не ждуть, дурый... — У кума Василия смеялись глаза. Подъехав ближе, он похлопал сокольничего по загорелой до черноты шее и подмигнул: — Перебег, чай, не сосунец, бывалый добытчик, и воин хоть куда! При ем дюже стрелков супротив нас. Да и хозяин у него свой имеется. Нехай сам пылить в Киев. При такой жарнице кабы убоина душком не взялась. Тады угробим дело. А ты знашь, наш князь строг — недогляд не потерпит! Давай, поспевай за мной, малый. И не брунжи, як комар.

...Захлюстанные пылью и кровью подводы тяжело тронулись обочь песчаного холма, блестевшего розовой плешью. Мокрые от пота, вконец замордованные жалящим паутом лошади то и дело спотыкались, храпели, вымогались из последних сил.

...Солнце еще не село, оно висело над горизонтом на расстоянии одной ладони от него, но степь под колесами повозок уже окрасилась спелым багрянцем.

Опытный следопыт без труда может определить в любой момент время суток, даже не глядя на небо, а просто присмотревшись к кочке или кусту — как на них падает свет. Обладая этим опытом и Савка Сорока, а потому никак не мог понять бессмысленного упрямства седоусого дядьки Василия — насилу понужать лошадей. «Один бес нам не поспеть к ночи... до крепостных ворот еще ой как далече, сколь ни крути... Не

краше ли дать разумный отдых коням? Оно где солнце, ужо надкусили его, родимое, холмы половецкие...»

И точно, как ни «холерил» дядька Василий, как ни лютовали плетью погонщики, скорая ночь прежде настигла их, вынудив застрять до зари в степной балке.

...Место для ночлега спешно выбрали у мелкого говорливого ручейка — шириной не больше конского хомута, а то и того уже. Вокруг простиралась ровная, как стол, степь, лишь за спиной виднелись корявые гребни холмов, похожие в этот закатный час на застывшие морские волны.

...Сидя у костра, Василий, как старший, зачел молитву. Остальные повторяли за ним, временами осеняя себя крестом, с опаской поглядывая по сторонам. Когда с молитвой было покончено, добытчики княжьего двора с нетерпением накинулись на еду. Люди выхватывали из «жаровни» запеченные на углях куски оленины и, громко чавкая, с жадностью пожирали сочное мясо.

Время шло, и мало-помалу укрытый плетенкой от вражьего глаза костер стал угасать, потому как в него перестали подбрасывать собранный прежде валежник.

Отягощенные трапезой люди какое-то время еще восседали на разостланных шкурах в сытом оцепенении; затем в этом же бессознательно-благодушном состоянии стали вытирать о длинные волосы и ниспадающие на грудь бороды жирные пальцы и тут же укладываться. Уж кто-кто, а они-то нынче заслужили свой отдых.

В конце концов все угомонились, и только Василий и Савка продолжали сидеть, глядя в догорающий рубин костра, над которым хилой струйкой вился дымок и уходил в ночь, в черное небо, а вернее, в синее — из-за россыпи золотых и серебряных звезд.

— Пошто не спишь, Сороченок? Ты али я... дозорить станем? — Василий уткнул в землю короткий, в полтора локтя меч; оперся двумя руками о крестовину рукояти, нахмурил брови. — Не нравится мне эта ноченька, упаси Бог... Кошки скребуть на душе... Эх, от радости выпить, от горя запить. Вон и шакал-добывашка завыл, ровно к покойнику... Слышь ли, Савка?

Юноша кивнул, посерьезнел лицом. Вроде обычная для степи вещь: «Вот ведь невидаль — песнь шакалки?.. И ему,

хвостатому, пожалиться хотца... Бродячая жизнь не тетка родная...» Ан нет, тошно как-то стало на сердце после слов Василия. Савка, чувствуя легкий озноб, запахнул шибче полы своего зипуна, прислушался.

И правда, где-то в степи, пожалуй, в версте от них, тьякал шакал. Потом стал скулить и повизгивать, жалобно подвывая. Затем вдруг взял по-бабьи высокую скорбную ноту и завыл вовсю, точнехонько зарыдал, и все в разном «манере», будто он там не один, шельмец-чревоещатель, а целая стая.

Где-то к югу, ближе к холмам, отозвался степной волк. Дальний сородич шакала завыл протяжно и стыло. «И кто их знает, кто их разберет, зубастых чертей?.. А может, это половцы иль печенег?.. Эти злодыги отменные мастера под волка косить... Это у них, поганых, с рожденья что ни на есть любимая уловка». Но бирюк²² продолжал без утайки выть про свою нелегкую судьбу, и сидевшие у костра, не сговариваясь, порешили, что это все же настоящий серый разбойник.

Однако Савка придвинул к себе поближе лук с переными стрелами — так-то оно спокойнее и вернее... Береженого Бог бережет.

— Можя, подкинуть сухары в огонь? — глухо обронил дядька Василий. — Я гляжу, дюже зябко тебе, паря?

— Ась? Да нет... — отмахнулся Сорока.

— Не стрекочи! Чай, зрячий... Зипунишко-то твой не от ночной холодрыги, а от солнышка. Пошто овчины не взял? Гляди, застудишь свою хозяйству... как потом девкам подол задирать будешь?

Савка от таких «приятностей» зарделся лицом. Щеки его залила гуца бордового румянца; благо, было темно, да и в отсветах мигающих углей все казалось малиновым. «Вот прилепился, репей! Тоже же мне... исповедник нашелся. Ложился бы спать, орясина чертова».

— Чевось глаза остробучишь? — зашевелил скулами Василий и, задумчиво помусолив кончик сивого уса в губах, вдруг доверительно спросил: — Красива она у тебя?

— Кто?

— Брось Ваньку валять... Не таись! — Василий, скрипнув бычьими кожами нагрудного панциря, нагнулся к Савке

---

²² Волк (обл.).

и, щекоча ухо ему бородой, шепнул: — Зазноба твоя, то я не знаю! Как ее?.. С Чемеева двора. Гарная девка — коса до заду.

— Отвянь от греха! — Сорока отвернулся, но дядька Василий не отступил. Напротив, зашел с другого бока и снова боднул вопросом:

— Ты хоть, голубь, в губы-то ее чмокнул разок? Подержался небось за сиськи сдобные? Али так... еще только намыкнуться собираешься?

— Да будет тебе брехать, кум! Ежли б не твои лета... да былые заслуги пред князем...

— То шо б тогдашь? — Желтые, как речной песок, глаза Василия вновь залучились смехом. — Цыть, Савка! Зелен ты горох мне брехню заправлять! По совести да по нутрям выпороть бы тебя на городском майдане за таки «почтения» к старшим! Одна сучка брехат, а я дело гутарю. Мне с тобой, дураком, мутиться вовсе без надобности. Молчи да дозорь тут, коли охота!.. Ишь ты, гордыбака нашелся! А чаво оддел-то? Чаво?! Сам не знашь. Гляди-ка, ощерился, ровно я с его земляничкой-ягодой одну перину делю... Эх ты, Сорока!..

Седоусый добытчик безнадежно махнул рукой, завернулся в хвостатый полог из волчьих шкур и улегся ногами к костровищу.

Теперь слышно стало, как сопят спящие, но богатырского, «нараспашку» храпа, который сотрясает стены на постоялых дворах, слышно не было... Оно и понятно: Дикая Степь с молодых ногтей приучает людей не шуметь без нужды. А еще время от времени с тихим шипением осыпался, превращаясь в золу, догоравший сухарник...

Савка вздохнул свободно, когда наконец взялась тишина, но тут же и пожалел о сем... Уж больно тоскливо сделалось на душе. «Сиди тут, таращ глазюки во тьму, как сыч... да гáчи²³ мочи в студеной рося...»

Он покрутил головой, глянул на небо. Месяц был чуть-чуть, на волос худее, чем вчера, но теперь он светил всюю и никуда не нырял, не прятался...

«А все один черт, на брезгу²⁴ хлябь посыпет... потому как в носу ровнехонько будто кто травинкой щекотит. Эт

²³ Половинки штанов; штаны; ляжки (устар.).

²⁴ На рассвете (устар.).

точно, — заключил Савка. — Взять хоть и то, как нонче хрустела трава под ногами. Да и по тому, как теперича от земли тянет сырью и холодом».

...Он снова обозрел залитую перламутровым, призрачным светом степь. Тишина. Поглядел на спящих вповалку товарищей, подле которых покоились мечи и колчаны. «Спят, сурки... напупились убиины. Ловят в сети заветные сны».

Рядом молчком лежал дядька Василий; его горбатый коршунячий нос торчал вертикально вверх, подсвеченный месяцем.

— Эй. — Сокольничий «на авось» торкнул коленом в плечо зверобоя и дыхом спросил: — Не спишь ли еще, кум?

Василий сторожливо прирассветил один глаз, но, все поняв, досадливо хрустнул под волчьим шкурьем мослаками пальцев и зло просипел:

— Нуть?.. Чего тебе, маета?

— Да погодь ворчать, Васелей Батькович! — Сорока уцепился за льняной рукав дядьки.

— Неча годить! Тебе, балабою, предлагали добром погутарить о том, о сем?.. Ты ж зубья скалил! Теперича — брысь! Дай поспать трошки, скоре вставать!

Василий вырвал руку, помолчал чуток и, сменяя гнев на милость, бросил:

— Чаво хотел-то, горе луковое?

Савка, обрадованный неожиданным участием, с готовностью придвинулся ближе, перешел на придуренный доверительный шепот:

— А ты... слышал ли шо... о татарах?

— А то! — Белки глаз зверобоя сыро блеснули в опаловой майской тьме. — Кто о них ноне не слыхивал, разве глухой?.. В Киеве вельми раззаров²⁵ по сему поводу. Немой токмо не гутарит об энтот пришлом зверье... Бают-де, всю южную степь, до самого Хазарского моря²⁶, татары на дыбы подняли! Где ни пройдут их кони — смерть распластывает крылья! И одна, значить, пепла в остатке от городищ!.. Ты вот послухай, малый. — Василий удобней устроился на шкуре, сунул кулак под

²⁵ Здесь: склока, спор, пересуд.

²⁶ В XIII веке Черное море называлось у мусульманских писателей морем Хазарским, а Крым — Хазарией. Позже Хазарским морем называлось Каспийское.

голову. — Даве, когдась от Лукоморья²⁷, с Залозного шляху²⁸, пришли по Днепру струги заморских купцов, прибыли с ьми и два ветхих старца-странника. Я-сь был тады на пристани — Толкуне... Зело народишку собралось — шапке упасть негде, угу, воть крест...

— С этим понятно, кум... Дальше-то шо?

— Да погоди ты понужать, торопыга! Экий ты раздолбуша!

Дядька Василий, остребенившись, шворкнул горбатым носом и, выждав паузу, продолжил:

— Так вот, эти два странника, значить, э-э... спаси Господи, надули нам в уши страстей... Дескать, все половецкие станы нонче бегуть сломя голову с Дикого Поля... А за ними вослед гонится лютое, страхолюдного виду племя. Вот те безродные чужаки и есть, значить, «татаре»²⁹. Деды баяли: «Вид ихний наводит ужась... Бород — нема, токмо у иных щепоть волос на губах и ланитах. Носы вмьаты в скулы, и у каждого за спиной взлохмаченная коса, як у ведьмы».

— Неужто такие страшили? — Савка недоверчиво округлил глаза.

— Да помолчи ты, глупеня! Говорят же тебе... От одновошь только виду безбожной татарвы люди мрут, как мухи, и падають замертво. Вот так-то, брат-гаврик! Чужбинник дьявол, с длиннющей рукой — под церкву! А ты сидишь тут дураком на попонке, со скуки крутишь пух усов и сумлеваешси: «Неужто, дядя таки страшили бывають?» То-то и оно... Бывають! Оне тебя, родственник, без чесноку и соли, вместе с поршнями³⁰ схрумкають и имечка не спросють.

²⁷ Лукоморье — побережье Азовского моря.

²⁸ Залозный шлях — очень древний торговый путь от Азовского моря к Днепру. «Залозный» произошло от древнего произношения слова «железо», т.к. по этому кратчайшему пути караванами провозилось железо, бывшее в древности ценным металлом и доставлявшееся из Китая и других мест Азии (Забелин, Брун). Это наименование «Залозный» сохранилось в измененном названии станции «Лозовая».

²⁹ «Этноним “татары” впервые возник в VI в. среди монгольских племен, обитавших к юго-востоку от Байкала. Татары охраняли северную границу Китая от кочевников. Чингисхан, объединив монгольские племена, поголовно истребил татар за то, что они отравили его отца. Но китайцы по привычке применяли это название, распространяя его на все многочисленные племена монголов, так же, как греки и римляне называли “варварами” всех чужеземцев, чуждых их культуре. Из китайской летописной традиции это название проникло и в русский язык. В XIII–XIV вв. на Руси татарами называли многие народы, вошедшие в состав Золотой Орды» // Алеврас Н. Н., Конюченко А. И. «История Урала XI–XVIII века».

³⁰ Род кожаной обуви — сапоги без каблуков (прост.).

— А не подавятся, суки? — Савка вспыхнул очами.

— Ты опять за свое?!

— Ладнись... молчу. Дальше давай.

— А дальше та-ак. — Василий поправил уклепанный медными бляхами поясной ремень и раздумчиво почесал заросли бороды: — Вестимо, перепуганный люд забросал Божьих каллик перехожих вопросами: так, мол, и так, что сие за люди? Какого роду-племени? Старцы, по всему, были люди сведущие, мудрые, разные там письмена читать способные... Ответовали: шо-де сказано в святых книгах — нагрянет с востоку тьма-тьмушая чужедадьцев. Народ сей семени ядовитого, желтого... в наших краях-волостях неслыханный, глаголемый «татаре», и с ыми еща чертова дюжина языков. Яко же половцы доселе губили и грабили окрестные племена, ныне, значить, их погибель настала. Вороги эти не токмо половцев посекуть, но и на ихню землю сами седоша... Во как!

— И откуда ж явился этот народ? — багровея сердцем, прохрипел Сорока.

Зверобой с усмешкой оттопырил нижнюю губу:

— Знамо дело: из тех же ворот, откель весь народ! Бабье постаралось... Ты вот все лезешь, да прыгаешь муругим козлом вперед батьки в пекло... А товось не знашь, Савка, о чем глаголють сказанья в святых повестях... «О них же владыко Мефодий Патарийский свидетельствует, яко греческий царь Ляксандер Маркедонский в допотопные времена загнаши поганый народ Гоги и Магоги на край земли, значить, в пустыню Етриевську, шо меж востоком и севером. Заторцевал он их, паскуд, горами да скалами и вельми припугнул мечом — сидеши там до скончания сроку! И тако бо владыко Мефодий рече, яко к скончанию времени горы те, значить, раздвинутся, и тогда выйдуть оттель Гоги и Магоги и поплелят всю землю от востока до Евфрату и от Тигры до Понтьскову моря — всю землю, значить, акромья Эфиопья...»

— Это ж как... всю землю?! — Савка в горячке гнева схватился за меч. — Стал быть... и нашу матушку-Русь?

— Вот и я за то! Нам половецкова гадовья по самы ноздри! Кровники оне нам заклые! — Вековая, пенная злоба поводила губы Василия. — Уж какие лета... эти нехристи вытаптывают своими конями чужие хлеба? А сколь кровизи

христьянской пролито? Сколь баб наших да детев малых в полон угнано?.. Не счесть! Зачем нам еще татаре? Спаси Господи... — Он осенил себя широким крестом. — Хватит и этих едучих вшей половецких на нашей хребтине! Даром шо изверг Котан нашему галицкому князю Мстиславу богатый теть! Вот пусть друг пред другом и распинаются, жмутся в объятых за свою родню — половецкую кровь да целуются! А нам-то с тово... какая радость?!

— Плохие слова, кум... Ты как о нашем князе глаголешь? Он нам и отец, и защита.

Савка твердо, с осудом посмотрел в глаза куму, тот зло щурился, но молчал. Сокольничий сбавил до шепота голос:

— Гляди, Васелей... как бы кто не услышал тебя из наших... за такие слова — дыба³¹.

— А ты-сь не пужай, малый. — Кум повел дюжими плечами, скрежетнул зубом: — До нее... «дыбы» твоей, еще дожить нады. Ты думаешь, зачем наш князь Мстислав со всей дружиной в Киев пожаловал? Знаешь? Так вот: я наемни у княжих палат Мономаховых слышал грешным делом от ихних панцирников... В степь пойдем, к Залозному шляху, и по всему, вборзе³²! Вот дождемси токмо силушки ратной: больших и малых князей, и всем гуртом тронем коней, куды ворон костей не заносил.

— Эт шо ж, супротив татарвы, выходит?

— Выходит, супротив ее, брат ты мой...

Дядька Василий опасливо подмигнул Савке и оголил в улыбке щербатые от кулачных драк зубы.

— Влезли мы, похоже, промеж двух жерновов. С одной стороны половцы и татаре, с другой — наши князья, жеребцы ретивые. А нам-то нужно?..

Савка последних слов зверобоя не разумел. В душе его случился пожар: «Неужто в настоящей сече мне быть?! С нашим-то князем! Чего еще больше желать?»

— Кум, поклянись Христом, шо не брешешь... насчет степи и татаров!

³¹ Средневековое орудие пытки, на котором растягивали тело обвиняемого, выворачивая или ломая кости.

³² Вскоре, немедля (устар.).

— Да истинный Бог. Но ты — цыц! Я-то тертый кобель... Жизнь повидал, баб пощупал, а ты-сь? Чему лыбишься, дура? Гложут тебя капустные кочерыжки. Кровь впереди. Ты сам-то разуй гляделки! Разве не зришь, шо кругом деется? Сии знаменья последних лет... Те старцы вещали: «Явилась миру страшная звезда, лучи к востоку довольно простирающе... и предсказала новую пагубу христианам и нашествия нового врага... То вышли из-за гор ледовитых и прут на нас Гоги и Магоги! Ныне пришло реченное скончание времени. Конец миру близко!» А ты — гы-гы!..

— Кум, а кум! — У Савки от возбуждения пуще прежнего загуляла по жилам молодецкая звонкая кровь.

— Да пошел ты, Сорока! — рыкнул Василий. — Надоел ты мне хуже горькой редьки! Вынь да положи ему... Дай поспать, оголть!

Дядька Василий натянул на голову волчью покрыву, и больше ни слова.

Но сокольничий был не в обиде. «Вот новость так новость! С копыт сбивает!» Да и ему ли, Савке-молодцу, горевать посему? Его и без того сжигала изнутри мучительная страсть к победам... Готовность послужить своему кумиру — князю Мстиславу Галицкому во славу русского оружия. «Ежели грянет сеча — то постоим! Почтим нехристей огнем и мечом!» Одного он только не мог понять, как это: «Я сложу голову, а жизнь будет гореть без меня?..» Впрочем, эта темная мысль не пугала и не застревала в его голове; она уносилась прочь, подобно щепке в быстрой стремнине реки. К своим годам Савка знал, как «Отче наш...», что воины имеют в виду, когда говорят о смерти; постиг он, и что такое преданность родной земле, православной вере и своим друзьям. Губы юноши тронула счастливая улыбка — неутолимая жажда острых ощущений, она накатывается волнами, как безумие. И, право дело, в такие минуты Савка Сорока готов был на все, дабы утолить сей голод, сполна вкусить запретные плоды. Да и что может быть для молодой, горячей крови более прекрасного и притягательного, чем опасность и риск?.. Любовь! — вот что способно загасить сжигающее его пламя. Вернее, ярче разжечь... Ведь любовь — это тоже всепожирающий огонь, тоже безумие.

Но и на этом поприще ему, Савке — круглому сироте, ни горевать, ни тужить не приходилось. Потому как в родном Галиче, за высокими крепостными стенами его надежно ждало крепко любящее сердце. «Ксения, любя моя!..»

...Савка бесшумно поднялся с нагретого курпея³³, прошелся размять затекшие ноги, проведать коней — все ли ладно? Через мгновенье его уже было не видно, а через другое — и не слышно.

...Месяц меж тем укутался в черные перья облаков, но вскоре выглянул одним серебряным усом, и стало чуток светлее, но ненамного — кусты и бугры по-прежнему не отбрасывали тени.

Кони настороженно встретили Савку, но, узнав в нем «своего», нудиться перестали.

Сорока стряхнул с мягких юношеских усов хлебные крошки, запил сухарь из кожаной фляжки родниковой водой и посмотрел еще раз в сторону лошадей. Те были сбиты в гурт, прядали ушами, их чуткие ноздри трепетали, как листья ивы. Сокольничий снова улыбнулся своим мыслям; в глазах табунка отражались рубиновые искры прогоревшего костра, их сочный малиновый блеск играл в черном гривье, как играют звездные блики на речной глади.

«Все же славное гнездилище выбрал кум, — мелькнуло в голове. — Толково, по склону лощины... в аккурат шоб укрыть и людей, и лошадей».

Не желая возвращаться к потухшему костру, он присел неподалеку от лошадей, положив возле своих поршней лук и колчан со стрелами. Мысли крутились вокруг татар... В памяти, как поплавки, прыгали и ныряли в омут воображения дядькины слова: «Вид ихний наводит ужас... Бород — нема, токмо у иных щепоть волос на губах и ланитах... Носы вмяты в скулы, и у каждого за спиной взлохмаченная коса, як у ведьмы».

«Да уж... наши умеют понагнать жути... Жабу силком спомають на болоте... соломинкой надують ее, дуру, через гузно и пужают друг дружку. Хотя... что же за зверь-то такой — татары?.. Не по себе, ей-бо... Но коли наши бьют в хвост и в гриву

³³ Курпей — выделанная шкура ягненка.

укрытых в кольчуги да панцири поганых половцев и печенегов... моgetь, и сей дикий народ опрокинем? Правильно бабка Настена гутарит: “Не столь страшен черть, как его молва малюет”».

...Сокольничий хотел еще помороковать над сей «бедой», да не смог... Набросив поверх зигуна овчинный тулуп (который он захватил с собой из повозки), Савка сразу уснул, и немудрено... Потому как нет ничего уютней и слаще на свете, чем спать под открытым небом, укывшись шкурой. «По первости она колет и щекотит тебя жестковатым ворсом. Но вот ты угрелся, щетинки прилипли к телу, и кажется, что это твоя собственная шерсть».

ГЛАВА 3

...Глазными впадинами чернели глинистые овраги степи, где, скрываясь от чахлой зари, еще таилось молчание угасающей ночи. Тут и там, как сгустки лилового студеного тумана, застыли холмы и ползучий кустарник — будто стерегли-выжидали, что шепнут им безымянные ямы и рытвины степи.

...Савка Сорока, притулившись плечом к лысастому бугру, спал без задних ног. Но снились ему не кровожадные орды татар и не те тревоги и страхи, которые порою проводят человека в ночи, присасываясь многоглазой тьмой к самому его лицу, а пронизанные солнечным светом картинки встреч — его и Ксении...

Виделся Савке оголенный овал ее розового, прозрачного, как воск, плеча, на котором играли в пятнашки изумрудные тени листвы... ее смеющийся взгляд, искрящийся счастливой слезой и улыбкой... Кожа у Ксении тонкая, белей молока, а волосы такие красивые, светлые, что даже и в пасмурный день кажется, что на них падает солнце.

...Вот они поднимаются по струганым прогретым ступенькам крыльца... В доме никого — все на покосе; она идет впереди, он следом... Ксения бойко шлепает вышитыми бисером чириками³⁴, а он не может оторвать от любимой глаз: полуденное солнце просвечивает белую ночную рубашку, и он отчетливо видит стройные очертания ее полных ног, окатистых ягодич, лирообразно переходящих в талию... Ему так и хочется поймать Ксению за руку, похлопать ее ниже пояса, «зажать» в сенях, иль прямо здесь, на резном крыльце, но... она ускользает,

³⁴ Башмаки, шлепанцы, туфли (обл.).

бросив на него озорной, словно хмельной взгляд... В памяти Савки остались только белая стежка пробора, разделявшая ее волосы на два золотистых крыла, да малиновое сердечко чувственных губ, сжимавших снежный венчик ромашки.

Он рванулся за нею... словил аж в горнице, у печи; хотел ей шепнуть что-то на рдевшее ушко, но ощутил на своих губах теплые, пахнущие молоком после утренней дойки пальцы...

— Лягай на полати, там прежде застелено... Я же ждала тебя... Двинься. Молчи, ветрогон... Ты меня любишь?

— Еще как!..

Он чувствует крутую девичью тугость груди, сверх края заполнившую его жадную ладонь. Кровь до одури стучит в висках, скачет жеребцом в жилах... Он ближе, теснее... Но она не дается, ловко и сильно управляет им, как наездница:

— Да погодь ты, шальной, успеешь, возьмешь свое... Кто у тебя отбирает? Постой. Дай насмотрюсь на тебя, Савушка... Какой ты к бесу «Сорока»? Дурый, кто обозвал тебя так, и слепец. Сокол ты у меня... васильковы очи.

Она отбросила с белого лба тяжелую, как латунь, прядь волос и, влажно мерцая камышовой зеленью глаз, без затей и утайки открылась:

— Боюсь за тебя, слышишь?.. Боюсь, потому что люблю... Ты дороже мне жизни! Боюсь, потому что неведомый лютый враг у наших границ! А я не хочу, не хочу-у лишиться тебя! — срываясь на плач, вымученно прошептала она. И вдруг, замолчав, содрогнулась от собственной решимости и отчаянья: — Ну, чего ждешь? Давай же, жги! Хочу тебя, родной... Хочу любить тебя со всей силой!

— Ксана... Ксаночка!.. — Он что-то бормотал ей, ласковое, бережно собранное в тайниках души; дрожал радостной, счастливой улыбкой, судорожно срывая с себя рубаху... Но когда Савка опрокинул Ксению на медвежью доху, она вдруг взмолилась:

— Ой, ой! Больно чуток... Погоди, гребенка-зараза!.. Сейчас, ай!

Она, закусив губку, выудила из волос костяной гребень, но он выскользнул из пальцев и скакнул под полати...

Савка, костеря в душе встрявшего черта, крутнулся на край, чтобы достать «безделку», — не видать. Свесился круче

вниз головой — углядел: «Вот ты куда упрыгал, провора!» Он хотел уже было словить гребешок, как... пальцы его схватились льдом, а шея окоченела...

Он не мог оторвать потрясенного взгляда от жуткой руки, которая протянулась из-под поластей, взяла гребешок и так же бесшумно исчезла...

Огромная, смуглая, отливающая копченой желтизной, — она дышала чудовищной силой, и кожа на ней была под стать дубовой коре.

...Все померкло в Савке: ровно горел в нем светлый каганец³⁵, да вот нахлобучили медный гасильник. Он будто лишился рассудка, как только осознал, что им грозит... Глянул через плечо, а н любушки Ксаночки — нет, словно ее кто унес на крыльях...

Безысходная злоба захлестнула Савку, заметалась в груди. И тут его словно пихнули... шибанули с размаху в лицо.

...Сорока очнулся — одурело открыл глаза и обмер. В пред-рассветной сукрови неба он увидел, как ниже по ручью, там, где безмятежно спали его друзья и знакомцы, к прогоревшим углям крался враг.

Их было не меньше дюжины... Сокольникович прекрасно видел, как бесшумно извивались змеями их тела по земле, как мелькали в траве подошвы иноземных сапог с загнутым вверх носком — гутулов.

...Он и глазом не успел моргнуть, как один из желтолицых оказался возле дядьки Василия, выхватил кривой нож, замахнулся над спящим...

Есть люди, кои в минуту опасности столбенеют; руки опустят и отдают, как овцы, свою жизнь на волю мясника... Да только Савка Сорока был не из тех. Сызмальства и вожжами, и лаской его вразумлял отец — княжий лучник: «Прежде дело задай рукам, а уж мозги — пушай вдогон перстам поспевают!»

Так и вышло! Не зря, видно, Савка накануне маял оселок — затачивал железные наконечники. «Ххо-к!», «ххо-к!» — это звенела сухожильная тетива его лука, посылая в полет две стрелы.

«Ххо-к!» — третья подружка смерти с веселой злостью сорвалась с тетивы.

³⁵ Светильник, лампадка (тюрк.).

Нет, неспроста на господском дворе Савка слыл важным стрелком. Недаром он с трехсот локтей без промаху «лупил» в середку подвешенной на крюк подковы. Не дрогнула его рука и на сей раз, не подвел соколиный глаз.

Первая остроклювая вестница с хлюстом прошла горло лазутчика, угодив точно в трахею... Монгол выронил нож и, задыхаясь, харкая и клопоча хлынувшей из ноздрей и глотки кровью, рухнул снопом поперек дядьки Василия.

Ошеломленные внезапной гибелью своего собрата-ордынца, татары на мгновение оторопели.

И тут вторая стрела, высвистав песню смерти, с глухим стуком пробила кожаный доспех еще одного, застряв по самое оперение между лопаток. Желтолицый всплеснул руками и уткнулся в серую золу кострища.

Но вот третья — изменница-стерва — лишь калено и звонко вжикнула по стали монгольского остропырого шлема и отскочила прочь.

Ан главное — «Слава Христу!» — было выиграно время!

...Когда Савка сломя голову с мечом подбежал на выручку — русская сталь уже яро звенела и грызлась с монгольской.

Наши не дрогнули — пластались будь здоров, но и татары, будто заговоренные колдовской молитвой, рубились отчаянно, крепко держа подо лбом кочевую заповедь: «Кто не защищается — погибает. Горе бросившим оружие!»

Однако и густая кровь русичей испокон веков ведала: «Победа воина — на острие его меча».

— Береги-ись!

Сорока едва успел пригнуться, и это спасло ему жизнь. Наскочивший на него огромный монгол вспорол воздух лезвием изогнутой сабли ровнехонько в том месте, где только что была Савкина голова. И тут же снова разящий удар с жутким свистом опалил холодком щеку.

Распаренный безумием, кое рычало, скрежетало, лязгало вокруг, сокольничий выбросил вперед меч. Сталь вошла меж ребер врага, и Савка, не успевший выдернуть клинок, явственно ощутил на нем судорожный трепет оседавшей плоти.

Плоское, как сковородка, лицо монгола разорвал немой крик. На краткий миг их взгляды скрестились. На Сороку мертво тарацились из узких бойниц залитые болью и ненавистью

глаза. Смуглолицый подломился в коленях, в горле его застряло проклятье.

...Мимо пронеслась вспененная кобыла, тащившая зарубленного Хлопону. Нога его запетлялась в перекрученном стремени, и лошадь несла ошалело в степь, мотая изнахраченное в кровь тело по щебню.

— Врешь, злодыга! Кр-р-руши песью щень!

Боевой топор Василия, умытый кровью, с плеча описал дугу. Страшный удар с длинным протягом развалил череп кочевника, как сосновую чурку, надвое.

И тут... враг дрогнул — не выдержал натиска. Еще двое пали под ударами русских мечей. Остальные бросились к лошадям. Их оставалось трое.

Савка с Тимохой, сыном галицкого кузнеца, попытались нагнать оставшего в длинной кипчакской кольчуге монгола, но тот не давал им приблизиться, лихо выпуская стрелы одну за одной, покуда верхами не подоспели его ордынцы. Тогда он вскочил на круп коня и, цепко ухватившись за пояс своего соплеменника, издал победный клич Дикой Степи.

...Муть чугуном налила темя. В горле застрял тошнотворный ком, когда Савка вернулся к подводам. У костровища, поджав колени к груди, утробно хрипел ловчий Владимир (больше известный между своими как Разгуляй или Мочало). Под животом его курился жаром розовый с сизой прожилью глянec выпростанных кишок. Зола и песок густо забархатили этот пульсирующий корчью и мукой кровистый клубок.

— Отходит, спаси Господи... — Василий стянул с головы рысий треух, перекрестился. — Давай евось, робятня... на повозку, до кучи. Нехай там смертушку примет... Эй, Тимоха! — Зверобой растерянно огляделся окрест. — Сколь нас-то осталось вживе?

— Дак воть... трое и есть... Мы с Сорокой да ты, стал быть, кум...

— А Стенька Пест? Ужли... тоже?.. — Каменные скулы Василия задрожали.

— Не сумлевайся, — мрачно прозвучал ответ. — Тамось он... у ручья. Видал я... как евось примолвила гадюка-стрела татарская...

— Н-да-а... Подковал нас нонче степняк наперед. Воть тебе и «татаре», Савка... Бушь знать теперя, хто такие... зазнакомились. Благо хоть ты не оплошал, малый. Не твой бы дозор... всех бы под корень кончал тугарин. Ну-ть, давай... подымай его, паря... Шо плошки уставил? В Киев зараз скакать нады! Князей скорееча упредить: степь под татарами!

Савка без промедленья подхватил под мышки Владимира, но тот взвыл по-звериному, заклацал зубами:

— А-а-ха-а-а-а! Братцы, кончайте меня! Христом Богом молю! А-а-а-а...а! Мочи моей нема! Ну шо ж вы тянете, гады! До-бей...

Меч Василия оборвал страдания Разгуляя. Ловчий дернул лопатками и навеки затих. Однако ни ему, ни другим сложившим головы княжим добытчикам отправиться в последний путь к вратам града Киева было не суждено.

* * *

— Братцы! Татары!

Савка и кум Василий обернулись в ту сторону, куда указывал мечом Тимофей, и обмерли. Лица посерели от ужаса. На фоне алого неба, в полете стрелы от них, по гребню холма тянулась длинная молчаливая цепь всадников. Это были монголы — сомнений остаться не могло. Длинные копья, круглые щиты за спиной, натертые бараньим салом доспехи из кожи и шерстяные плащи, развевающиеся на ветру, словно крылья дерущихся беркутов.

Смертельная угроза читалась в их угрюмом молчании, дикая сила и неумолимая жестокость — в каждом движении.

«Язви их сук в дыхало!» Видавший виды Василий ощутил, как сердце засбило, тоскою зажатое в кулак... Глянул на своих молодых сокольников и сдавленно прохрипел:

— Ну, робяты, дяржись!..

...Жуткое уханье, переходящее в вой: «Кху! Кху-кху-у-у-у!», прорезало тишину, и в то же мгновение кочевники, как хищные птицы, сорвались с гребня холма и скрылись в ложине. Их было около сотни — обычный татарский разъезд, какими Субэдэй-багатур и Джэбэ-нойон наводнили половецкую степь.

...Неистовая дробь копыт, словно треск сотен шаманских бубнов, заглушая душераздирающие вопли, приближалась с каждым мгновением.

Единственный путь к отступлению проходил через курган — заставу Печенегская Голова. Туда-то они и помчались.

* * *

Монголы, подобно пене ревущей волны, внезапно возникли на взлобье ближайшего холма и так же стремительно хлынули вниз...

Тимоха отстал. Его лошадь раскопытилась. Как на грех, впопыхах да всуе, он оседлал Горчицу — серопегую кобылу Стеньки Песта, которая прежде, на охоте, набила себе хребет, и теперь подседельная ссадина крепко давала о себе знать. А это обещало только одно — Тимоху ждала верная гибель.

...И Савка, и дядька Василий пытались через плечо отстреливаться из луков, да куда там... Они видели, как отчаянно отбивался мечом Тимоха, желая подороже продать свою жизнь, как пестрая волна захлестнула его, завертела в водовороте корсачьих³⁶ рыжих хвостов, конских грив, и вскоре над бурлящей лавиной взлетела и закачалась на длинном копье голова сына галицкого кузнеца.

...Беглецы резко, под острым углом повернули вправо, и татары рассыпались полумесяцем, желая взять «добычу» в оцеп. Дальше, к северу, шла холмистая местность; равнина была изрезана мелкодонными ложбинами, изъедена песчаными отвалами и ярками. Как только Сорока с Василием показывались на склонах — монголы тотчас посылали им вслед град черноперых стрел.

...Снова холм и снова лощина... За крупами запаленных коней вихрилась бурая пыль. «Вот! Вот догонят поганые!» — стыла мысль, и беглецы, сжимая тела в комок, липли к колючим гривам, касаясь оскаленными лицами жарких холок коней.

Внезапно сквозь завыванья монголов и свист стрел дядька Василий услышал вскрик сокольничего. Вражья стрела,

³⁶ Корсак — более крупный сородич лисицы. Распространен в степях и полупустынях от Северного Кавказа до Забайкалья и в Средней Азии.

пройдя краем, пропорола ему плечо. Кровь жадно окрасила белый рукав поддевы в темный брусничный цвет.

— Савка-а! Не сметь! Дяржись, малы-ый! Маненько осталось! Дотянем до заставы! Там зараз наши!

Кум в отчаянии крутнулся в седле, пустил наудачу стрелу в густую, летящую следом цепь... Кажется, кто-то упал, но кони уже неслись под гору, и он ничего не узрел.

Лощина меж тем сузилась, как горло кувшина, — с обеих сторон теснины холмов, впереди невесть какая речушка, затянута по берегам камышом и ряской... «Господи! Только б коники не увязли! Спаси, Царица Небесная!»

Савка, бледный лицом, обернулся. Градом по сердцу долбанул топот монгольских коней. Хребтом ощутив колющий холод смерти, он крепче сцепил зубы.

...Промедление — смерть! Беглецы всадили шпоры в окровавленные бочины коней. Студеный каскад речных брызг обжег лоснящиеся от пота лица. Стрелы, как злые осы, жужжали над головой.

...Рывок, еще один... Кони, утробно захрапев, на подламывающих ногах выскочили на другой берег. «Еще верста — и они падут», — мелькнуло в голове Савки. Сердце скакнуло к горлу. Глотку словно свинцом залили. Легче было двигать конечностями, чем думать.

На их удачу, дно безымянной речушки оказалось илистым, клейким, как та смола... Тяжело вооруженные, в кольчугах и броне, татары увязли. Переправа заняла у них четверть часа. Усталые низкорослые кони кочевников, быстрые на равнинах, вымогались из последних сил, взбираясь на сыпучий, глинистый берег, оглашая дол надрывным ржанием. Однако это никак не повлияло на решимость монголов. Погоня продолжилась в одержимом неистовстве. «Кху-у! Кху-у-у-у!» — несло по холмам злое, языческое, звучавшее для беглецов приговором.

* * *

— Не могу больше... Оставь меня здесь... — захлебываясь кашлем, прохрипел Сорока. Загнанное сердце стучало в самые уши, ладони горели от сорванных уздой мозолей. — Уходи сам, предупреди князя...

— Погоди ишо умирать, Савка! Скачи! — Кум, целкнув плетью, поравнялся с гнедым сокольникового. — Скачи, я сказал!

— Да иди ты к черту под хвост со своей заботой! — зло прорычал Сорока.

Вместо ответа Василий стегнул его спине, а затем вытянул плеткой и Савкиного жеребца.

...И вновь они гнали коней, захлебываясь страхом, зноем и пылью, сляясь уйти от погони.

Василий в бессильном гневе порвал ворот исподней рубахи, когда отчетливо понял: Савке Сороке не выдюжить этой гонки.

Слабость того росла на глазах. Он с огромным трудом удерживался в стременах, постоянно хватаясь одной рукой за луку седла.

«Твою мать!.. Ужли все зря?..» Пот, стекая из-под рысего треуха, застил глаза зверобой. Он слышал, как в барабанные перепонки колотился молоточками пульс. Ремни стремян невыносимо натерли ему голень.

...В очередной раз обернувшись, беглецы увидели, как длинная цепь язычников уже начала взбираться по лысому склону холма, и поняли: расстояние между ними губительно сократилось.

— Соберись с силами, сынок! Осталось-то... кот наплакал! — Дядька торопливо бросил на тетиву стрелу.

— У меня... темень в очах... и в ушах... — прохрипел Савка, шатаясь в седле. — Спасайся один, кум... Я задержу их троих... — Сокольникович потянулся к колчану.

— Нет, сукин сын, ты не помре! Довольно, шо мы этим стервятникам своих братьов скормили! — яростно дрожа ноздрями, зарычал зверобой и что было силы вновь обжег круп скакуна юноши.

Сам он развернул коня для стрельбы; верен глаз дядьки Василия, с детства «садил» он в цель стрелы страсть как хорошо. За то и был взят в княжьи «добытки». С тех пор уж

кануло в Лету немало годов, выпал и растаял не один снег, но глаз Василия остался все тем же — верным, и не делали промаха его каленые стрелы. «Сей выстрел, — подумал он, — положит конец затянувшемуся кошмару, даже ежели станет началом другого». Он расправил онемевшие плечи, натянул свой верный тугой лук...

Синий ордынский плащ предводителя сотни на скачливом караковом³⁷ жеребце вновь показался из-за бугра, и... вязким гудом прозвенела спущенная тетива.

Стрела выбила из седла начальника сотни. Островерхая шапка с чернобурными лисьими хвостами слетела и, подхваченная ветром, покатила по склону, точно тележное колесо.

Этот неожиданный мужественный отпор внес замешательство в ряды кочевников. Яростно потрясая оружием и оглашая равнину проклятиями, они осадили своих мохноногих горячих коней, задумав, по всему, принять какое-то срочное решение.

Стрелок Василий даром времени не терял, воспользовался сей передышкой и был таков...

* * *

Не дотянув с полверсты до сторожевого кургана Печенгская Голова, они остановили коней. Савка потерял столько крови, что едва ворочал языком. Василий помог ему спешиться, уложил на траву и перевязал свежим куском рубахи плечо.

Дальнейшее бегство было невозможно.

...Сокольничий насилу рассветил глаза, глянул мертво на небо. В раскаленной полуде небес, под снежным облачным гребнем, парил стервятник. Траурно взмахивая крыльями, простирая их, он ловил ветер и, подхватываемый воздушным стремением, кренясь, тускло блистая карим отливом пера, плыл на запад, удаляясь, мельчая в размерах, истаивая в маково зерно.

— Заколи меня, как Разгуляя... — прошептал Сорока; повернул к зверобою свое бледное, осунувшееся от безмерных мук и усталости лицо с глубоко запавшими глазами. В них горела мольба.

---

³⁷ Вороной с подпалинами (желтизною на морде и пахах) — масть лошади.

Дядька Василий мрачно молчал, чутко прислушиваясь к глухому топоту копыт за своей спиной.

Внезапно он поднялся и, выдернув из кожаных ножен обоюдоострый меч, решительно подошел к своему Гороху, обнял его за подрагивающую шею и порывисто прижался щекой. Конь доверчиво стоял, уткнувшись бархатно-розовыми ноздрями в грудь своего хозяина, и со сторожливой печалью смотрел, будто прощался. Через минуту Горох тяжело рухнул на землю. Кровь хлестанула пузырящимся фонтаном из его распоротого горла. То же самое зверобой проделал и со вторым конем, предварительно подведя его к окровавленной туше.

Теперь на открытой, как ладонь, равнине у них был довольно сносный «укрыв», за которым можно было спрятаться от стрел и подороже продать свою жизнь.

...Василий жадно окинул взглядом млевшую под майским солнцем зеленую, обновленную молодыми травами степь. Лишь местами, под стать огородным пугалам, стоячили метелки прошлогоднего чернобыльника да жухлой полыни. Шалый ветер обдувал мореный, с жесткими складками морщин, лик зверобоя, трепал слипшиеся от пота седоватые пряди волос и как будто звал его за собою куда-то...

Дядька Василий смахнул проклюнувшуюся слезу и ободряюще кивнул тихо стонущему Савке:

— Я-ть думаю, малый, нонче не самый худой день Богу душу отдать. Не горюй, Сороченок, мы ишо повоюем. Иш-шо покажем им, кровожадам, кузькину мать! Вот подскочут ближэй, и ага!..

Он поскреб свой большой коршунячий нос и принялся не спеша натягивать стоймя в землю возле себя стрелы, которые остались у них в колчанах.

— Кум... — Савка с трудом расстегнул медную пряжку душившего его кожаного нагрудника и попытался растянуть губы в улыбке. Он был до слез тронут участием Василия, который не бросил его, безродного сироту, и не оставил подыхать в одиночестве после того, как погиб в бою Савкин отец и померла мать. — Ты уж... прости, кум, ежели шо... Ты ж знаешь, я пыхаю, як береста...

— Знаю, сынок... а посему советую, до встречи с Господом... побереги его, огонь-то свой, значить. Стрелять сможешь? — Он приподнял крылатые брови.

Савка, уперевшись спиной в еще теплое, потное брюхо своего коня, согласно протянул руку.

* * *

Длинная цепь преследователей шумно выросла на гряде ближайшего бугра и странным образом замерла. Кое-где запаленные скачкой лошади вставали на дыбы, но в целом шеренга татар держала равнение.

Савка и дядька Василий переглянулись:

— Каково рожна... суки, медлют?

Монгольский разъезд продолжал оставаться на месте, сдерживая коней и глядя на беглецов так, как если бы они по меньшей мере поднялись из могил.

— Господи Свят!.. Ангелы небесные! Не может быть!.. — прохрипел Сорока, крепче сжимая рукоятку меча, и вдруг, задыхаясь от радостной блажи, навзрыд закричал: — Наши! Наши-и-и! Свои-и-и-и!

Василий обернулся, напрягая жилистую шею. Судорожно дернул заросшим буйным волосом кадыком... О, нет! Он не верил глазам: над сторожевым курганом Печенегская Голова клубилась большущая туча пыли. Потом она отделилась от земли, поплыла над степью и медленно рассеялась. И тут со всех сторон, вырастая словно из-под земли, показались первые всадники. Их группы сгущались, покуда не задрожала земля под копытами рослых коней.

Не сбавляя хода, киевская застава перестроилась в боевой порядок. В центре взвился и затрепетал на ветру пунцовый с золотом стяг — «Божией Матери Одигитрии»³⁸...

Двести ратников, закованных в кольчуги и латы, отгородили несчастных от преследователей. В какой-то момент

³⁸ Именно от таких древнерусских хоругвей, как Новгородская «Знамение Божией Матери», Смоленская «Божия Матерь Одигитрия», «Ярое Око», а также стяги воинов-защитников земли Русской Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского и Михаила Архистратига, позже в истории государства Российского берут начало и все боевые знамена легендарных русских полков.

старшина-воевода Белогрив дал знак, и стальной ряд дружины озарила во всю его длину яркая вспышка — это воины выхватили из ножен мечи.

А потом, сотрясая землю, застава бросилась вперед. Команды и крики к этому времени смолкли, и не было слышно ни звука, кроме сухого грохота сотен подкованных копыт да звяка пустых ножен.

Монголы некоторое время продолжали оставаться на гребне, словно околдованные зрелищем. Потом огрызнулись нестройной стрельбой из луков и, окончательно убедившись, что проиграли, шумно, точно стервятники, у которых отобрали добычу, погнали коней на юго-восток, к юртам своей орды.

ГЛАВА 4

Князь галицкий Мстислав Удатный поднялся с ложа, когда холодный рассвет только-только засочился сквозь тяжелые темные тучи на востоке.

Ветер с Днепра рябил ржавую поверхность застоявшихся луж, жирных и вязких, как смола. Время было проведать свою дружину, потолковать с воеводой Степаном Булавой о предстоящих ратных делах, а дождь не знал терпезу, все сыпал и сыпал.

Князь растер ладонью широкую, как у тура, грудь. Встал на колени, трижды перекрестился на образа: «...Пресвятая Троице, помилуй нас... Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святой, посети и исцели немощи наша имени Твоего ради. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Аминь».

...И все равно не было покою, не было лада и мира на душе Мстислава. Тяжелые думы одолевали его: темное, грозное время приближалось к южным границам родной Руси... Черные вести приносила Дикая Степь... Неведомый доселе враг объявился с востока — лютый, безбожный язычник. Люди, бежавшие из степи, на разные голоса вещали одно: «Числа сему ядовитому, злему семени нет! Аки голодные волки, рыщут оне по земле... Милости и добра отродясь не ведают, почитают лишь кровь, грабеж и насилие, зовутся “татары”, и ведет сей злобный народ виду ужасного краснобородый хан Чагониз! И есть ли он человек, аль упырь, али нечистый дух, — никто не знает...»

Князь свел воедино темно-русые крылья бровей. Его синие, как воды Днепра при ясной погоде, глаза потемнели. Прислугу кликать не стал — отродясь не терпел, — сам стал облачаться, натягивать сафьяновые сапоги, когда за высоким окном послышались голоса поднявшейся вместе с зарей челяди. На крепостных колодцах калено гремели ведра и перекликались теплые после недавнего сна женские голоса. Над сырыми крышами теремов и храмов поднимались пушистые дымы и таяли в оловянном бесцветье неба.

«Где добытки? Бес их носит, чертей окаянных... Куда запропастился Савка Сорока? Уж трижды воротиться могли, — сокрушенно вздохнул Мстислав. — Ну, дайте срок... будут вам почести, дармоглядь... княжий кнут в обнимку с вожжой...»

Он плотнее запахнул багряный кафтан, надел соболью шапку с золотой горбастой бляхой своего Углича, пристегнул к поясу легкий меч и еще раз перекрестился на строгий, беспристрастный лик Спасителя.

Длилось это занятие всего ничего, ан в памяти ударили гулкие колокола... точно стайка быстрокрылых стрижей, пронеслась череда последних событий. И как от киевского стола³⁹ ко всем южным князьям были посланы гонцы на ретивых конях сзывать силу ратную на защиту земли Русской; и как он сам, после долгих колебаний, выдвинулся со своей дружиной в Киев, на съезд больших и малых князей...

В душе он где-то сочувствовал своему тезке — великому князю киевскому Мстиславу Романовичу, последнему из славного рода Мономаховичей. Шутка ли — принять в своих обедневших хоромах с честью и княжеской широтой «гурт» именитых гостей... Принять и их прославленных витязей... Ведь каждый князь являлся на съезд со своей дружиной... И чем выше был князь, тем с большей свитой он ехал. «Да... забот полон рот, — желчно усмехнулся Мстислав. — Ныне не та сила у Киева, как век назад, в пору правления Мономаха. Тогда под его десницей была без малого вся Русь... И Киев, и Суздаль, и Смоленск, и Переяславль с Ростовом, и даже далекий богатый Новгород — кланялись в пояс великому князю киевскому... Да что там, принадлежали ему всецело, как говорится,

³⁹ Здесь: престол, княжение в Древней Руси.

со всеми потрохами. Тогда и половцы, и хазары знали место! Боялись Киева, как огня. По всем рубежам он, белокаменный, разнес славу русского имени. Эх, кабы ныне так!.. — Мстислав вздохнул и, покусывая кончики усов, блистая глазами, мечтательно улыбнулся. — Вся Русь: и юг, и север, — единый стальной кулак! Сбудется ли мечта? Иль вечно нам по разные стороны быть?.. Еди-на-я Русь... Да я б кровь свою червонную до капли выцедил, чтоб дожить до такого... Эх, огонь жаркий мне сердцевину жжет...»

Он подошел к распахнутому окну-бойнице, глянул хмуро на слякотный двор, на людскую суету, и подумал: «Как все же хлипко да зыбко устроен мир. Вот был прежде Киев... да весь вышел. Не так уж много и годов прогремело, а на тебе — род Мономахов издробился, як просо... То куры поклевали, то свиньи пожрали, а то вражина пожег... Князья роздали города и волости своим сыновьям, племянничкам, внукам, ей-богу, как на Пасху сласти... И что? С чем теперь остался Мстислав Романович? Владеет Киевом урезанным да хилым. И Киев, град его златоглавый, не тот уж боевой жеребец, а мерин выхолощенный. За последнюю четверть века только ленивый не точил меч на Киев. Набеги и разгромы своих же, православных князей истошили мать городов русских...»

И то правда: «Стонал и зализывал раны Киев не раз. Шли на него и владимирцы, и галичане, и суздальцы, и призванные чернодушными князьями дикие половцы... И все они грабили, жгли, сильничали и зорили древнюю столицу»⁴⁰.

Так было... И многие шрамы, рубцы, бреши и выбоины от тех рубок и боев мог наблюдать сейчас из своей высокой горницы галицкий князь.

Тяжким и непосильным грузом оказалось для киевлян возрождение своего стольного города после стольких нашествий. Много улиц и теремов, башен и храмов и теперь хранило следы пожарищ и разрушений...

Но в эту годину новая беда, куда более страшная, надвигалась из Дикой Степи... И она грозила не только Киеву, но всей Русской земле. «Страх перед этой грозой и собрал вместе непримиримых князей, гордых и упрямых, враждовавших

⁴⁰ Ян В. Чингисхан.

между собой всю жизнь из-за лучшего простора, более доходного города, людной волости. Теперь и старые враги, коварные половцы, сами с поклоном бежали в Киев, прося подмоги»⁴¹. Их огромные лагеря буквально заполонили поля и подъезды к городу. Тут и там курились дымами их юрты, шатры, скрипели повозки... А сами они, угрюмые и поникшие, сидели на корточках, сбившись в огромные толпы, и ждали милости, ждали упорно ответа княжеского двора.

...Мстислав собрался уже было задуть перед уходом светильники, когда в сенях раздался частый скрип половиц, и незапертая дверь приоткрылась.

— Княже пресветлый, дозволишь? Это я — Булава, воевода...

— Поздно дозволенье испрашивать, коль за порог шагнул! Да проходи, Степан... Как там на княжем дворе?

— Эх, зараза, так и не распогодилось небушко... Здравия желаю, защита-князь! Как спалось, Мстислав Мстиславич?

Седоусый матерый ратник, с буро-сизым сабельным шрамом через левую скулу и бровь, поклонился в пояс. Князь тепло приобнял старшину и молвил:

— Слава Богу, Степан, без снов. Но ты мне зубы не заговаривай, воевода. Что, до дружины дойдем?

— Да погоди, пресветлый, успеется. Я-ть только от них... Все добром. Пуцай хоть мальчика уймется проклятый. — Булава стряхнул с серого плаща дождевую россыпь, снял с головы стальной шлем со следами былых боев. — Погутарить бы трошки след... да чайку испить? С рассвету маковой росинки у рта нет.

Сели на лавки друг против друга за широкий дубовый стол, накрытый белой кистючей скатертью.

Посыльный — тут как тут — по кивку князя тотчас сладил «купца» на мятном листу, принес и орешков в меде, и прочих капризных заедок.

⁴¹ Ян В. Чингисхан.

* * *

...За чаем слов не роняли, сосредоточенно дули на кипяток, делая осторожные глотки. Мстислав Удатный знал Степана Булаву вот уже без малого сорок зим, почитай, с самого нежного детства, еще по торопецкой и новгородской⁴² поре; уже тогда Степан, сын оружейника, был правой рукой отца Мстислава.

Воевода был крепкого русского духа и силы человек. Воин по призванию, «по природной жиле», как говорил народ. В бойцовом сердце его жила неутомная страсть к победам во славу своего князя, во славу Русской земли. Страсть эту он превратил в свое коренное дело. Им только и жил. Да и воины-дружинники, ходившие под ним, подбирались не с кондачка, многие не приживались: воевода был крут в своем ратном рвении; те, кто давал послабку своей воле и мужеству, — гибли в сечах, другие просто уходили, затаив злобу; но зато те, кто оставался, не хаяли свою служацкую судьбу и прикипали к старшине намертво.

Князь Мстислав помнил: своим удачным победам над дерзкими уграми и спесивыми ляхами он во многом обязан Степану. И если характер и господскую хватку он выковал еще под крылом отца, то закалил ее у воеводы.

Цепкая память князя держала суровое, но вдохновенное время первых рубежей, когда в походах на юг и запад закладывались камни его будущей славы. Там лилась рекой кровь, но поднимались в небо и пенные кубки за победы русских мечей и знамен. Оттуда, с высоты своего триумфа, зрили они сквозь забрала на сводящие с ума просторы новых границ земли Русской, завоеванной ими своей кровью, отвагой и великими страданиями.

— Ты что такой постный, князь? Хоть просвирки из тебя лепи, — тронул Мстислава вопросом Степан. — Вьюга тебе, шили, в лицо заглянула?

---

⁴² Мстислав Мстиславич Удатный (Удалой) был не только галицким князем, но и торопецким, и новгородским; прославился военной доблестью и борьбой против кипчаков (половцев), монголо-татар, немецких рыцарей, польских и венгерских феодалов. Явился инициатором выступления против монголо-татар в союзе с половцами. В битве на реке Калке в 1223 г. возглавил русский авангард.

— Не бери души. — Мстислав отодвинул испитую кружку. Взгляд его вспыхнул на миг, но тут же погас, как искра, на которую наступили ногою. — Вот уж скоро совету быть в палатах Мономаховичей... а что-то не видно союзных князей с дружинами... Мы да ростовчане с молодым князем Василько явились на зов Киева... А может, на посмешище? Где суздальцы? Где их князь Юрий Всеволодович? Али грибами объелся, что гордыней и спесью зовутся?! Так гордыня и у нас в избытке имеется... и ножны наших мечей не заткал паутиной паук! У меня тоже — старые счеты с двоюродным братцем... Однако ж я в Киеве... Русь-то одна!

— Остынь, княже! Будет из-за сего кручиниться. Гляди, уж и так стал темнее тучи. Приедут князья! Куды им деться? Уж не думает же суздальский князь, что татарва, придя на Русь, обойдет его стороной?

— А вот и вопрос!.. — Мстислав мстительно сузил глаза. — Каждый нынче промышляет о своей голове... Я слышал, этот надменный суздальский гордец алчет съезда у себя во Владимире... а потому и не едет на совет в оскудевший Киев.

— Може, и так... — кашлянул в усы воевода. — Тю, властолюбец чертов! А ведь суздальцы, владимирцы — сильная подмога... Ежли татарев истинно тьмушшая... где ж нам двинуться в степь без них? У Василько Константиныча копий не густо — панцирников горсть, а верховых и того меньше... Да и сам он дите — недавно из отроков вышел. Усы ишшо нежные, в сыны годится тебе. Вся надежа на Божью милость! — Голос Степана Булавы прозвучал отрезвляюще горько, но крепче резанули по сердцу другие слова воеводы: — Вот ты глаголешь, пресветлый, защитники мы... — Старый воин наморщил лоб, задумчиво оперся рукою на средокрестие меча. — А вот скажи по совести, княже, кто? Кто знает о наших с тобой бедах и чаяньях там, на севере Руси? Разве все тот же треклятый суздальский князь, дак и он околот южной Руси мыкается... А шо ж сосед наш северный? Коломна, Рязань, Москва и другие... Аль в ихних жилах басурманская бьется кровь? Где ж их секиры и копья?! Слышат ли оне, знают ли?..

— Врешь, Булава! Ишь ты, распыжил брови! — Глаза Мстислава вспыхнули гневом. — «Кто знает? Кто вспомнит?»

Гляди-ка, забила его, старого черта, лихоманка! А я тебе скажу кто! Дети наши, святые хоругви наши, Господь Бог и потомки... право, недурная братия, а? Родина — она, воевода, никого не забывает. А все наши старания и помыслы... для нее. Ты думаешь, что я здесь шапку ломаю? Да и ты? Нет, друже, не свою мощну набить. Мы здесь с тобой не временщики, не наемники, не воры! Знамо дело, богатыми не станем. Заслужим сто — проиграем тыщу... Так ведь не в сем счастье наше, Булава. Аль я не прав?

Князь громыхнул лавкой, обошел стол, обнял спешно поднявшегося воеводу за высокие плечи:

— Как бы ни было, не горюй, старина. Ежли не мы, то кто?.. Мы ли не в стане воинов рождены и крещены русским именем?! Постоим за Русь! Покуда у нее есть верные сыны — она как у Христа за пазухой... Ну-т, что там у нас, развиднелось, похоже?

И тут на звоннице Святой Софии бухнул набатный колокол. С княжеского двора послышались крики и восклицания: «Едут! Еду-ут!»

Мстислав вспыхнул взором:

— Ужель услышал наши молитвы Господь? Никак, суздальцы прибыли! Встретим, Степан... Все краше, чем тут заперти душу рвать.

* * *

Однако ожиданиям горожан не дано было сбыться. «Эх, начали за здравие... кончили за упокой». Шум и гам на княжем дворе случился совсем по другому поводу. Нет, не суздальцы и не владимирцы пожаловали в Киев...

...Поутру к южным воротам столицы на загнанном коне, забрызганный до бровей грязью, примчался гонец. Жеребец рухнул у самой заставы, в его распоротых шпорами боках копошились черви.

Стража свезла к палатам киевского князя чуть живого посланца. Лицо его было словно обуглено страхом. Изгвожденный ветром и дождем, он слабо хрипел одно и то ж:

— Татары... идут!.. Та-та-ры... близко...

* * *

Его отмыли, влили в глотку добрую чарку ядерного горлодера; чуток привели в чувство, и лишь тогда в гонце кто-то из челяди с сомнением признал княжеского добытчика — Перебега. «Да только тот... отправляясь в степь, — пояснил дворовый холоп, — то бишь наш Перебег, был черный как смоль... а энтот седой совсем... белый как лунь, и старый».

На вопрос: «Где остальная братия?» — ответ был прям и краток:

— Их всех... свеживали... заживо...

Толпа охнула, обмерла, зароптала, истово осеня себя крестом. В глазах горожан замерцал суеверный страх. Черная весть расправила крылья, полетела по Киеву...

— Эй, прочь с дороги! Пшли вон!

В толчее засверкали шлемы и щиты дружинников; все как на подбор — видные, статные, в густых тяжелых кольчугах со стальными пластинами на груди, при копьях и длинных мечах. Во главе их шел Мстислав — решительный и быстрый.

— Будет каркать! Чего без пути лаять! Тихо! — Он на корню оборвал причитанья и плачи, огласившие площадь. — Говоришь, «свеживали» дружков твоих любых? — Колкий взгляд пронизательных глаз впился в рябое лицо гонца, лежавшего на овчине в телеге.

— Истинно так...

— А чем же ты лучше других, собака, что шкуру свою уберег? — Князь схватил за грудки зверобоя. — Медом намазан?! А может, ты, злодырь, поганым продался? Отвечай, пес смердячий!

Мстислав оттолкнул Перебега прочь, чувствуя, что еще миг — и он потеряет над собой власть.

— Не вели казнить!.. — Киевлянин затравленно зыркнул безумным звероватым взглядом на князя, тщетно пытаясь придать голосу крепость; седая прядь подпрыгивал на сером лбу, но он продолжал завороженно таращиться на дышавшее гневом лицо Мстислава. — Вживе я... лишь потому, что весть от них... должен передать...

— Так говор-ри! Черт тебя гложет! Чему они тебя заучили?!

Перебег с готовностью затряс головой и, турсуча⁴³ узловатыми пальцами косматую бороду, зачастил:

— «Урусы, сложите оружие! Конязи⁴⁴, готовьте дары и ключи от городов ваших — южных и северных... И ждите в смиренности лучших из лучших людей, которых рождала земля. Мы — непобедимые багатуры степи — Великого Кагана. Наш повелитель и отец хан Чагониз, что значит “Посланный небом”. Мы разгромили и обратили в бегство полмира: сотни непокорных племен и десятки народов... а их упрямых вождей... сварили живыми в наших походных котлах... Будьте благоразумны, урусы... и мы даруем вам жизнь. Помните! Вас предупредили! Теперь вы знаете волю владыки народов, “Потрясателя Вселенной” — Великого Кагана... И не говорите потом, что не слышали! Мы идем. И скоро вся Русь услышит топот наших коней».

Перебег замолчал, не смея поднять глаз, кожей чувствуя, что галицкий князь не спускает с него грозного взора.

— Это все, что ты слышал, холоп?!

— Как на духу! Вот крест... Е-ежели я шо и забыл... всезнающий княже, прости... Не губи меня, темного, неспособного смерда.

— А Савка Сорока? Василий Верста?! Добытчики мои где?..

— Не знаю, пресветлый... Разъехались мы по разны стороны... Оне своим табором... мы — своим...

* * *

Оставив зверобоя на откуп толпе, Мстислав отошел прочь от подводы. Задержавшись под решетчатым навесом, в углу раздольного двора, он долго стоял там со своей стражей и тихо беседовал с воеводой.

— Ну-т, шо думаешь по сему, княже? — изломав бровь, невесело усмехнулся старшина. — Отгоним гибель?

— Ежели все станем рядом — плечо к плечу... да половецкие орды помогут. Чай, несладко им, коль жмутся под стенами Киева.

---

⁴³ Теребя (устар.).

⁴⁴ Князь (татар.).

— Эт правда... А правда ли то, шо мнят о себе татары? Уж больно все это похоже на сказку. «Непобедимые», «покорители мира»... Брехня. Эва, загнули куда. И шо ж это за подсюк такой «Великий Каган», как евось, дьявола?.. Ах, да — Чагониз! Шо за людыны его татары? Может, вои⁴⁵ простые, попроще, чем половцы. Сколь их до кучи?

— Сколько травы во степи.

— Да полно, княже! Думаешь, нехристи не надули в уши... этому голощалу? Тьфу, забудь... У страха глаза велики.

— Кто знает, воевода. Но поседел-то этот бродяга, видать, не от смеха. Лютый, жестокий враг пришел в половецкую степь. Слышал я тут... — Мстислав понизил голос и заглянул в стерегущие глаза воеводы. — Глагол держали два старца... Их привели с пристани в палаты великого князя киевского его дружинники.

— Ну, и? — Булава насторожился, сабельный рубец на лице налился жаром.

— Так вот, сказывали они: дескать, собака-хан этот, главный язычник...

— Чагониз?

— Он самый, — издал указ, по оному все племена, покоренные им, отныне являют единственный избранный небом народ, имя ему дано «монголы», что означает «побеждающие»... Все ж остальные: и угры, и прусы, и ляхи с булгарами, и мы — русичи, должны стать их рабами. Тех, кто подымет секиру иль меч, — Чагониз сотрет в пыль, и останутся жить на земле в благоденстве и сытости одни лишь монголы.

— Оне же татары?

— Выходит, что так... Черт их разберет. Одно нечистое племя. Девиз их тоже написан кровью: «Идем войной на соседний народ! Мы вернемся сытыми и богатыми!» Войско татар несметно — пухнет день ото дня, роится, как осы... Это уже не сказка, брат воевода... И скоро нам всем убедиться придется, что все это правда.

— Да уж... — подавленно выдохнул воевода, брякнул снятой стальной перчаткой. — Обезоружил ты меня, княже. А я без оружия, ха... почитай, как баба с задранным

⁴⁵ Воины (устар.).

подолом, — голый. Ай-й! Шоб им нож в горло... Разворошил ты мне сердце...

— И что ж оно тебе кажется?

— Не пойму... Только темно на душе...

— Вот и мое сердце вещает что-то ужасное.

Мимо прогромыхали крытые рогожей повозки со снедью. Следом прошел суровый конвой, звякая мечами, и скрылся за углом княжеского арсенала.

— Однако готовится Мстислав Романович к съезду. Не теряет надежу... — Воевода, как волк, не поворачивая шеи, проводил взором киевских ратников, расправил кулаком поникшие усы: — Пойдем, княже, к своим... Глянем, шой-т наши соколы за кормы клюют.

И они пошли под грай церковного воронья. Ветер-степняк нес горловой стонущий клекот над Киевом, а еще выше, над черным всполохом траурных крыл, наплзали с востока темные груды туч, пядь за пядью пожирая чистую бирюзу небес, точно их самих против воли гнала какая-то неумолимая, страшная сила.

ГЛАВА 5

...Последние зыбкие тени уходящего дня ложились на гребни холмов, и ожерельем малиновых углей их осыпал закат. На смену недолгому сумеречью с диких равнин кралась густая пелена мрака. К северу от Залозного шляха, что издревле служил торговым путем от Азовского моря к Дону, там, где виден остров Хортица, стояла на дележе добычи разбойничья ватага бродника Плоскини.

До прошлого года в травень, червень, липец и серпень⁴⁶ он и вправду занимался перевозкой на паромах и стругах дорожных путников и купцов. Еще раньше на пограничных заставах его знали как Плоскиню-лошадника. Сын торопецкого шорника пригонял в Киев табуны кипчакских коней; слыл он у половецких ханов и за толмача. Но уже тогда на киевских торжищах-толкунах он сыскал себе недобрую славу наглого, нечистого на руку пустобреха, продававшего запаленных, изноровленных коней.

Однако то хлопотливое, полуголодное времечко безвозвратно кануло в Лету. Прикинув «хвост к ноздрям», Плоскиня быстро смикитил: «Отнять проще, чем заработать! Зачем горбатиться, гнуть спину? Сносить униженья и ждать, когда тебе с богатого стола, как шелудивому псу, швырнут мозговой мосол? Зачем всю жизнь копить медяки, когда в руке есть кистепер иль вострая сабля?.. А с нею-подружкой и золото, и серебро, и прочее добро купеческое — все твое, живи — не горюй!»

⁴⁶ Древнеславянские названия месяцев: май, июнь, июль и август.

Сказано — сделано: Плоскиня окружил себя беглыми татями и лиходеями, по коим плачет петля. Их было немного — дюжина, вместе с ним — чертова, но от них исходила какая-то зловеющая сила, безмолвно признаваемая всеми. Даже среди суровых, привыкших ко всему «коренников» пограничья Плоскиня и его шайка в овчинных обшарпанных полушубках выделялись своей жестокостью и кровожадностью, под стать диким половцам. Тогда же отпетое братство избрало его за силу и смекалку на разбойничьем кругу своим вожаком... Прошло не более года... но о волчьей стае Плоскини уже предпочитали в округе говорить шепотом. Плоскиня, или Залозный Оборотень, как еще с суеверным страхом называли его в рыбацких артелях, внушал ужас своими разбоями и клятвами отомстить. А это обстоятельство на стыке границ киевских застав и Дикой Степи было столь же весомо и однозначно, как голос смерти.

...Но на сей раз «убивцам» Плоскини никого не пришлось выслеживать. Нежданно-негаданно богатая добыча сама пришла в руки — и от них, притаившихся в камышах, потребовалось лишь терпение и выдержка степных падальщиков.

* * *

Отправляясь на разбой по Днепру на отбитых купеческих стругах, они в полдень причалили к степному берегу реки, чтобы дать роздых гребцам, утолить голод и осмотреться.

И тут... шерсть на их волчьих загривках поднялась дыбом.

Сначала они увидели половцев. Их длинный караван спешно разворачивал свои повозки на север — к Киеву; пастухи сбивали в огромные гурты скот со знаменитым на всю степь тавром хана Котана: след копыта в виде полумесяца и под ним две стрелы.

...Мимо пронеслись табунщики, гоня впереди гривастых коней, а следом появилась половецкая конница — тьма египетская, тысяч пять сабель, не меньше. У воды на три версты все заволочло тучами пыли. Рев скота, ржание лошадей, лязг оружия.

...Потом из своего укывища разбойничья братия углядела с десяток, а то и более, черных, как ворон-цвет, столбов дыма, поднимавшихся над степью в небо.

Половцы огласили берег злым воем: это горели их повозки, отбитые и разграбленные татарами. А кто не знает — для кочевника этот «корабль степи» и дом, и крепость, и альков...

И тут Плоскиня раздул ноздри, взгляд его прикипел к холмам — он, как и его шагтя, впервые видел татар, о звериной лютости коих ходило немало легенд.

Их отдельные отряды на низкорослых диковинных лошадях стали появляться из-за бугров и скучиваться на равнине. В янтарном знойной воздухе было отчетливо видно, как бойко проносились всадники между отдельными отрядами, как горели на солнцепеке их круглые металлические щиты, незнакомого кроя стальные доспехи и шлемы.

...Половцы, запаленные действием, вскинули луки — огрызнулись стрелами, выбив из седел с десяток наездников. Но тут же сотня монголов, точно камень, выпущенный из пращи⁴⁷, вылетела вперед и накинулась на стрелков.

Все скрылось в плотной завесе пыли — будто свет солнца померк. Слышались только жуткие стоны, яростный лязг оружия и скрежет зубов.

...Ветер мгновеньями относил пыль, и тогда было видно, как высоко взлетают и падают разящие полосы стали.

Вдруг разомкнулось, подобно железным челюстям, рычащее в безумстве человеческое месиво, качнулось в сторону, затем в другую, и снова — бранные вскрики, проклятья и рев огласили пологий склон...

Но вот развеялась пыль, и на том месте, где только что звенели мечи и сабли, где сшибались копыта и бились полные жизни и отваги сердца, выросла гора изрубленных тел. Последний половецкий джигит рухнул наземь, и конь с седлом, сбившимся под брюхо, нелепыми скачками понесся прочь по равнине, взлягивая задними ногами.

⁴⁷ Ручное метательное оружие, широко распространенное в древности у большинства народов. Состоит из ремня (из кожи, луба, хлопка, шерсти и т.д.) с расширяющейся средней частью, в которую закладывается метательный камень или свинцовый шарик. При метании пращу вращали над головой и затем, выпуская один конец, давали полет камню.

Зловещая тишина распахнула крылья над гудящим ристалищем, но лишь на миг... Над плотными рядами татар взмыл треххвостый бунчук в твердых руках Джэбэ-нойона, вселяя в воинов стальную отвагу.

Над половецкими шлемами тоже воинственного взлетели к небу пестрые значки⁴⁸, и по приказу старого хана Котана тысячи воинов бросились в наступление. Исполняя волю всемогущего и высочайшего повелителя, половецкая орда стала вытягивать вперед свои фланги, как изгибающиеся руки, чтобы взять в «клещи» врага. Но монголы не дрогнули, не повернули коней. Напротив, они остались на месте и не пытались вырваться из стремительно смыкавшегося кольца.

«От лагеря отделился первый отряд монголов. Тысяча сомкнутых всадников, по сто человек в ряд, устремилась на низкорослых лохматых лошадях, покрытых железными и кожаными панцирями. Они неминуемо должны были прорвать нестройную, колеблющуюся линию половцев, широко растянувшихся по степи.

— Кху-кху-кху-кху-у! — слышался звериный рев монголов.

От основного куреня оторвалась вторая тысяча и покатила по степи. На солнце вспыхивали слепящим блеском стальные шлемы, металлические щиты и изогнутые мечи»⁴⁹.

...Старейший половецкий хан — хозяин степи Котан — казался спокойным и величавым, сидя в седле своего туркменского скакуна с красным хвостом⁵⁰. Оставаясь на возвышенности вместе со своими приближенными, он наблюдал за боем, и только потемневшие скулы да беспокойно бегающие глаза выдавали тревогу и все нарастающее отчаянье хана.

Он прекрасно видел, как от общей «тьмы» татарской конницы отсекался отряд за отрядом и неудержимо, словно горный поток, несся вперед с хриплым, душераздирающим боевым кличем «кху!».

⁴⁸ Разновидность стягов у кочевых народов Средней Азии, Приазовья и Северного Кавказа.

⁴⁹ Ян В. Чингисхан.

⁵⁰ Хенна (хна) — красно-бурая краска, которой в древности на Востоке красили ладони, седеющие бороды, усы, а в походе — хвост коня.

...В какой-то момент половцы заметались. Крайние сотни повернули морды коней к лагерю грабить монгольские обозы. Но от ставки Джэбэ-нойона мгновенно отделилась еще одна тысяча и так же легко и ровно понеслась наперерез половцам. Оба отряда сшиблись насмерть.

Желто-бурое облако пыли окутало место сечи. Оттуда, как из горящего улья, стали осами вырываться отдельные половецкие всадники и, прильнув к гривам коней, опрометью уноситься в степь.

— О, боги!.. Подобного этому я не зрил никогда! — поднимая на дыбы своего «туркмена», в бессильной ярости воскликнул Котан.

В парчовом малиновом чекмене, подбитом соболем, в тисненном кожаном шлеме, опушенном красной лисой, и в червлевых сапогах, расшитых серебряными нитями, он разъезжал туда-сюда по холму, то и дело хватаясь за рукоять кривой сабли, сверкавшей алмазами, и впивался глазами в клубящуюся пылью даль.

...Между тем четыре отряда монголов один за другим в жестком, стройном порядке взяли направление на сердцевицу развернутых половецких войск, на ту возвышенность, где находился Котан и его свита.

Взрывы монгольских возгласов «кху-кху-кху!» застучали набатом в ушах хана. Все ближе и ближе!..

«Кто сможет остановить эту проклятую лавину?!» — Котан крутнулся в седле. Его верных защитников рядом не было. Все они направили своих коней в сторону битвы. Один лишь воевода Ярун с тремя сотнями личной охраны хана ждал его приказаний.

— О небо! Покарай нечестивых псов! Вперед! Убейте их! Изрубите! Слава и почести вам подмога!

— Ай-я-а! За мной, джигиты, у кого сердце барса в груди! — крикнул Ярун, и воины на горячих конях тесным кольцом обхватили его.

Вспыхнул меч Яруна — это был знак начала атаки.

...От внезапности нападения ряды монголов смешались. Словно беркут, кружил Ярун по полю брани, опьяненный схваткой, и быстро погасал свет солнца в очах тех, кого наступал его меч.

Окруженный надежными молодцами-аланами⁵¹, храбро бился Ярун, показывая пример бесстрашия; но половцы, уже сполна вкусившие бешеный натиск татар, — бежали.

...Непобедимый Котан был на грани безумия. Его лучшие, испытанные силы бросились навстречу монголам. Но те задержались ровно настолько, чтобы прорубить себе русло, и хлынули дальше, к той высоте, где находился главный половецкий хан.

...Из жестокой рубки, как из огненного чрева Иблиса⁵², выскочил на коне Ярун; вид его был ужасен — глаза залиты черной кровью, рот перекошен в зверином оскале:

— Спасайся, Высочайший! Сегодня не наш день! Боги от нас отвернулись...

Котан взмахнул плетью, храпевший быстроногий скакун сорвался с холма вниз, точно подхваченный ветром, понесся на север вдоль мерцавшего Днепра...

За малиновым чекменем повелителя ринулись скопом его приближенные, побросав бунчуки и стяги. Испуганно гремя дорогими доспехами, сбруями и бубенцами, они едва не были опрокинуты собственной конницей. Та вынеслась следом из жерла лоцины и раскатилась сыпучим горохом.

С ревом ужаса и отчаянья они лупцевали коней; сбили и смешали толпу прислуги, лихорадочно пытавшуюся спасти ханский обоз...

Осатаневшие кони измолотили копытами в кровавый фарш раненых и отставших... На осиротелой высоте остались лишь яркие клочья персидских ковров с искореженными золочеными блюдами, серебряными пиалами и халвой, перемешанной с пылью.

---

⁵¹ Аланы — скифско-сарматские племена, обитавшие со II–I веков до н.э. в причерноморских степях и на Северном Кавказе. Побежденные гуннами, они приняли участие в великом переселении народов, частично переселяясь в V веке вместе с готами в пределы современной Венгрии, а частично вместе в вандалами в 409 г. в Испанию. Кавказские аланы — предки современных осетин.

⁵² Дух зла, коварства и тьмы, упоминается в Коране.

* * *

...Потрясенные до мозга костей произошедшим, люди Плоскини жадно наблюдали из своего камышового скрыва за дальнейшим ходом событий.

Отдельные стычки то тут, то там еще продолжались. Отбившееся крыло половецкой орды, потеряв всякую надежду воссоединиться со своими, с боем уходило на юг.

Его атаковали летучие отряды татар. Подобно волчьей стае, они набрасывались на обескровленную, но еще огрызавшуюся добычу; вырывали из ее холки, ляжки или грудины кусок пожирнее и, рассыпавшись, отходили прочь... То внезапно, по команде повернув коней, вновь и вновь стремительно вгрызались в измотанного противника.

...Близился вечер. Косые лучи низкого солнца зарумянили пропитанные кровью берега Днепра. От косогоров и холмов потянулись длинные, костлявые тени, когда из стана Джэбэнойона слышались призывные звуки медных труб, и отряды монголов, разом потеряв интерес к половцам, умчались в свой лагерь.

* * *

...И вот место побоища опустело. Со всех концов померкшей равнины неслись страшные хриплые стоны и призывы о помощи... Дух смерти бесшумно витал над степью. Едва ли не треть половецкого войска ранеными и убитыми полегла в этой сече.

— Наконец-то все уюмонились. — Плоскиня хищно осклабился, на миг прикрыл уставшие глаза. Вкушая тишину, не в силах поверить своей удаче, он чувствовал, как бешено стучит сердце и кровь в висках, шее, в груди — тугими толчками, все чаще и чаще... «Чтоб вам всем на ноже поторчать... Силы небесные! Да я же теперя... богатей самого князя киевского... Токмо нагнись! Подыми злато да серебро, снеси в ладью... Твою мать!»

Плоскиня открыл глаза. Нет, не сон! Те же любые сердцу картины. Он глянул направо, налево, настороженно вслушиваясь, — не раздастся ли шорох, треск ветки, топот копыт или